

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА МУХИНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
kareliaptz@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОППОЗИЦИЙ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ЖАНРОВОЙ ДИНАМИКИ ДУХОВНОГО СТИХА «АЛЕКСЕЙ ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ»*

Духовные стихи – малоизученный фольклорный жанр, по идеологическим соображениям оказавшийся в советское время на периферии исследовательского и читательского внимания. Духовные стихи исследованы недостаточно как в отношении языкового функционирования, так и в отношении различных языковых аспектов имеющихся записей, связей поэтической структуры с речевой манерой сказителей. В статье рассмотрены семантические оппозиции как один из способов реализации жанровой динамики эпического духовного стиха «Алексей человек Божий». В научный оборот вводятся не известные ранее широкому кругу исследователей архивные записи текстов, сделанные в период с 1910 по 1983 год и хранящиеся в Архиве Карельского научного центра РАН. Анализ выявил свойственную оппозитам иерархичность, которая определяется такими признаками, как языковой статус (общязыковые / текстовые), характер аксиологической оценки (частнооценочные / общеоценочные), мотивация оценки (социальная, эмоционально-экспрессивная, конфессиональная, сугубо нравственная). Анализ материала позволяет сделать вывод о выполнении семантическими оппозициями одной из важных функций – текстообразующей, когда один из членов оценочной оппозиции, будучи очень существенным элементом в этической картине мира, воссоздаваемой певцом, и употребляясь в тексте первым, «программирует» появление в нем своего антипода.

Ключевые слова: лингвопоэтика, духовные стихи, семантические оппозиции

В истории науки о русском языке устно-поэтическая речь вызывает неизменный интерес. При обращении к языку фольклора исследователи в разное время ставили перед собой определенные цели и задачи, обусловливающие формулировку проблем, связанных с лингвистическим осмыслением устно-поэтической речи. Если на начальном этапе (вторая половина XVIII века) язык фольклора привлекался только для иллюстрации древности языкового факта, то в последующем исследовательская мысль обратилась к проблеме словесной, внешнеязыковой организации различных типов фольклорной речи. Так, на материале русской эпической песни А. Ф. Гильфердингом [6] были впервые намечены важнейшие направления текстологического и стилистико-композиционного анализа фольклорного текста в ходе выделения им типических и переходных мест в структуре былины.

В процессе начавшегося активного стилистического изучения языка фольклора в работах А. Н. Веселовского, В. М. Жирмунского и других исследователей все более вырисовывалось жанрово-тематическое варьирование устно-поэтической речи. Именно содержательный и стилистический отбор языковых средств, по мысли А. Н. Веселовского [5], составил генетическую сущность поэтического стиля фольклора в его жанровых разновидностях.

Несмотря на различие подходов в осмыслении и оценке фактов устно-поэтической речи, в истории изучения языка фольклора обнаруживается общая линия – это «постепенное, но неуклонное усиление исследовательского интереса к языку фольклора как к целостной и самобытной системе языка» [14; 12].

Формирование научного подхода к изучению духовных стихов шло вместе с развитием фольклористики как науки. В авангарде разработки научной методики исследования духовных стихов стояло собирательство, достигшее в 30-е годы XIX века небывалых масштабов. Главой собирательского движения был выдающийся фольклорист П. В. Киреевский, первый заметивший наличие характерных черт в произведениях, впоследствии объединенных в жанр духовных стихов. Именно сборник духовных стихов П. В. Киреевского, изданный в 1848 году, послужил толчком к началу научного изучения этих произведений, которое впоследствии шло параллельно с издательской деятельностью.

Позднее, в постреволюционный период, выходили единичные статьи о духовных стихах. Наибольшую ценность представляет вышедшая в 1935 году работа русского эмигранта Г. П. Федотова [16]. Рассматривая стихи с идеологических позиций, исследователь отмечает отклонение некоторых духовных стихов от ортодоксального христианского учения и включение в них языче-

ских элементов, которые аргументирует текстовой близостью стихов.

Исследование духовного стиха возобновилось с конца 60-х – начала 70-х годов XX века. В этот период, наряду с изучением генетических истоков, функционирования и текстологии духовных стихов, закладываются основы и лингвистического исследования фольклора.

Несмотря на возрастающий интерес к духовным стихам (работы В. В. Колесова, З. К. Тарлanova, С. Е. Никитиной, А. М. Петрова, Е. А. Мухиной и др.), этот жанр устной поэзии исследован явно недостаточно.

Слово, являясь важным инструментом человеческого общения, воздействия, выражителем чувств и эмоций, в фольклоре зависит от отношений и свойств традиции – структур сознания, породивших текст. Смысл слов определяется жанром, местом в тексте, семантическим окружением, это подвижный и вместе с тем единый смысл, который может кратко усиливаться, включаясь в различные стилистические приемы, характерные для устной поэзии.

Контраст является одним из наиболее распространенных и выразительных композиционных принципов в поэтической структуре текста. Будучи по-разному представленным на языковых уровнях, этот принцип выполняет важнейшие содержательно-эстетические функции и определяет построение текста.

Антитеза стала предметом изучения в разных фольклорных жанрах: сказках [4], балладах [9], пословицах [3], [10], хороводных песнях [18], солдатских и рекрутских песнях, былинах [2], [8], духовных стихах [11], [13]. Замечено, что антитеза, служащая созданию художественного единства произведения, выражается не только смысловым противопоставлением понятий, но и использованием лексических, грамматических и синтаксических приемов. Будучи важным стилистическим средством, она выполняет сюжетообразующую, композиционную и характеризующую функции в произведении.

Фольклорная картина мира принципиально строится на различного рода оппозициях, заложенных и в «физической» модели построения макрокосма, и в «психическом» освоении этой действительности. Они реализуются как в условиях микроконтекста, в пределах стиха или параллельных стихов, так и в пределах целого произведения. Главный объект оценки духовного стиха – человеческая душа с ее помыслами и желаниями, поэтому определяющим в произведениях данного жанра является не противопоставление *свое – чужое*, которое свойственно для фольклора вообще, а антитеза *грех – праведность*, по-разному реализующаяся в семантических противопоставлениях конкретного текста и его вариантов. Выявление текстовых оппозиций, установление связи композиционных частей с

ними – одна из насущных задач при исследовании духовного стиха.

По признаваемой нами концепции С. Е. Никитиной [12], фольклорная картина мира складывается из элементов трех уровней: досимвольного, слоя символов и наиболее глубинного среза – семиотических оппозиций. Практически любой фрагмент картины мира в духовном стихе ценностно окрашен. *Ад – рай, земля – небо, грех – праведность, богатство – бедность* и т. д. – все занимает свое место в иерархии ценностей. Ценностный мир духовного стиха во многом противоположен ценностному миру традиционного фольклора. Мир духовного стиха – мир разрушенной нормы, мир, лежащий во грехе. Если в традиционном фольклоре богатство – положительная характеристика героя, то в духовном стихе оно, являясь бессильным перед смертью, разворачивает душу. Отступление от идеальной нормы в духовном стихе – грех, что и определяет главное противопоставление стиха – *грех – праведность*.

В эпическом духовном стихе «Алексей человек Божий», возникшем на основе «Жития Алексея человека Божия» [1], повествуется о судьбе Алексея, который, оставив дом отца, где он ни в чем не нуждался, и новобрачную жену, уходит в пустыню, чтобы посвятить свою жизнь аскезе и молитвам. Через много лет пустынник возвращается в мир, домой, и, живя в келье, продолжает свое подвижничество. Спустя некоторое время Алексей умирает неизвестным и, подобно всем святым, творит посмертные чудеса.

Анализ 10 вариантов духовного стиха (4 из них – записи, хранящиеся в Архиве Карельского научного центра РАН) показал, что центральная оппозиция духовного стиха *грех – праведность* в этом сюжете, исключающем ярко проявляющееся греховное начало противопоставленных Алексею героям, выражена в противоположении *земного, плотско-материального мира святому миру*, находящемуся за пределами обыденности. Как отмечает А. Забияко, «святое, священное – важнейшая мировоззренческая категория, выделяющая из всего сущего такие явления и состояния, которые в восприятии носителей культуры отмечены особой значимостью, непреходящей ценностью и которые в силу этого требуют к себе благоговейного отношения» [7].

В данном сюжете противопоставление *земного и святого* – это противопоставление окружения Алексея и самого главного героя как воплощения святости. Не случайно Алексей называется *божьим человеком, Алексеем-светом*. Слово *свет* – «святой» принадлежит к центральным знакам – символам христианской эпохи, для него можно реконструировать значения «увеличиваться», «набухать». Как отмечает В. Н. Топоров, речь идет о том «благодатном возрастании – процветании некоей животворящей субстанции,

которое вело к созреванию *плода* как завершению всего предыдущего развития и прорыву к новому, более высокому состоянию, к вечному рождению, к максимальному плодородию, прибытку. Эта “святость” как образ предельного изобилия скорее всего и была тем субстратом, на котором сформировалось понятие “духовной” святости» [15; 480].

Центральная оппозиция духовного стиха представлена рядом различных по характеру субоппозиций. В первую очередь выделяются пространственные оппозиты, являющиеся жанрово обусловленными. Противопоставленность локусов мирян и локусов святого – отображение стремления Алексея отгородиться от плотско-материального мира и посвятить себя служению Богу. Локусы мирян – место рождения Алексея, место проживания его близких – могут иметь конкретные географические ориентиры: *Рим, Римское царство, Иерусалим* (при цитировании сохраняется орфография и пунктуация источника): «Во славном во граде Рыме...»¹; «Ва славном ва горади ва Ирусалими...»²

То же наблюдаем при номинации святых локусов: *Индийское царство, Ехвес, Рим-град, земли турецкие, Одес-град, муромская пустыня*: «Пошел он (Алексей. – Е. М.) ко Индийскому славному царству...»³

Противопоставление мирского и святого пространства поддерживается общеязыковыми оппозитами *палаты (спальня, почивальня) – келья*:

Построил убогому келью
По-зя своей каменной палатой...⁴

Святое пространство – место для аскезы, место неустанной борьбы души и тела, духа и плоти. Г. П. Федотов, говоря о своеобразии русского аскетизма, который отличался умеренностью и сводился к посту, физическому труду и бодрствованию, сравнивал борьбу с плотью с длительной осадой [17].

Противопоставление мирское – святое также поддерживается в тексте оппозитами *царь – патриарх (владыка)* и выражается описательно, через сопоставление действий героев при обращении к мощам святого:

Царю рукописьмо не далося. <...>
Далось рукописьмо патриарху⁵.

Значительная роль в контрастной организации текста отводится признаковым оппозитам: *цветное платье – нищенская одежда, риза власяная, платье волосенное, светлая одежда – черная риза*. Эстетическая оценка является отражением этической нормы: цветное платье – грех, черная риза – праведность:

...Снимал с себя светлую одежду,
Надевал на себя черную ризу...⁶

Данная оппозиция подкреплена употреблением глаголов-антонимов: *возьми – дай, скиды-*

вай – одевай, снимал – надевал. Параллельное расположение элементов (что вообще свойственно анализируемым текстам) позволяет наложить друг на друга два образа, чтобы наделить их объемностью и глубиной. Повторение конструкции позволяет связать воедино синтагмы, которые поначалу представляются лишь свободно следующими друг за другом.

В духовном стихе «Алексей человек Божий» находит свое отражение и центральная пространственная оппозиция земля – небо. Небо – место обитания высших сил, определяющих судьбу человека. Это локус, характеризующийся положительной оценкой, это то вечное, куда попадают человеческие души. Земля же, наоборот, – место, созданное Богом для жизни, которое имеет скорее отрицательную общую оценку, так как в большей мере сопрягается с материальным, телесным, а не с духовным. Данная оппозиция отражена в анализируемых текстах опосредованно, через субъектно-речевую организацию духовных стихов, отображающую возможность героев апеллировать к высшим силам, которые, в свою очередь, обращаются к обитателям земли:

Он (Ефимьян. – Е. М.) и так-то молился
со слезами,
Умолял он у господа бога...⁷;
Богородица с небес прогласила...⁸

Как отмечает С. Е. Никитина [13], кроме универсальной шкалы *хорошо – плохо*, реализующейся во множестве разновидностей, не менее универсальной является шкала *важно (значимо) – не важно (не значимо)*, на которой для мира духовного стиха основополагающим является противопоставление *вечного и временного*. Противопоставление *жития часовного житию векового* пронизывает духовный стих «Алексей человек Божий» и, как правило, выражается опосредованно, через описание тягостного Алексею венчания, поведения героя на пиру, где он в противовес другим «хлеба-соли не вкушает, медянного питья да не испивает»⁹. Бесконечность нежелательного Алексею венчания может быть усиlena глаголами в форме прошедшего времени несовершенного вида:

Во Божью церковь их проводили,
Под златыми венцами стояли,
Златыми перстнями обручались,
Един чуден крест целовали,
Весь Божий закон принимая¹⁰.

В одном из вариантов Богородица, обращаясь к Алексею, прямо говорит о тленности, временности земного бытия: «*Не смекай ты жития часового, Смекай ты житие вековое...*¹¹».

Итак, семантическая оппозиция может быть охарактеризована как универсальная семиотическая категория, являющаяся специфической для жанра. Этическое пространство духовно-

го стиха отличается от пространства традиционного фольклора: в центре него – душа человека, поэтому и традиционная фольклорная оппозиция *свое – чужое* в духовном стихе выступает как *этическая* антитеза *грех – праведность*, реализующаяся в текстах в ряде субоппозиций *земля – небо, ад – рай, палаты – келья* и др.

Описание в духовном стихе земной (тесной) жизни и сакрального (жизни души) ино-бытия ведет к возникновению противопоставления *значимое – не значимое*, где скоротечность жизни земной антонимична вечной жизни души человека после его смерти.

Для системы семантических оппозиций в духовном стихе «Алексей человек Божий» характерна иерархичность, определяющаяся несколькими признаками:

1) языковой статус: общязыковые (*небо – земля, палаты – келья*) и текстовые (*Римское царство – Индейское царство, Рим – земли турецкие*) оппозиты;

2) характер их аксиологической оценки: частнооценочные (*цветное платье / волосенное платье*) и общеоценочные (*палаты – келья*) оппозиты;

3) мотивация оценки: социальная (*царь – патриарх*).

Кроме отображеной в проанализированных текстах социальной мотивации оценки, в духовных стихах находят отражение эмоционально-экспрессивная, конфессиональная, сугубо нравственная оценки. Антитеза духовного стиха выражается не только лексической антонимией, но и грамматическими средствами, усиливающими противопоставление, выраженное содержательно. Семантические оппозиты выполняют как оценочную, воспитательную и просветительскую функции, так и текстообразующую: один из членов оценочной оппозиции, будучи очень существенным элементом в этической картине мира, воссоздаваемой певцом, и употребляясь в тексте первым, «программирует» появление в нем своего антипа.

*Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Стихи духовные. М.: Сов. Россия, 1991. С. 134.

² Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина: В 2 т. Т. 2. Л.: Наука, 1986. С. 21.

³ Стихи духовные. М.: Сов. Россия, 1991. С. 145.

⁴ Тихонов П. Стих об Алексее божьем человеке. Брянск, 1894. С. 5.

⁵ Стихи духовные. М.: Сов. Россия, 1991. С. 134.

⁶ Архив Карельского научного центра РАН. Кол. № 28, ед. хр. № 125. Зап. от А. И. Прокопьевой; 9 / VI–1935 г. в с. Сухое Беломорского р-на.

⁷ Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина: В 2 т. Т. 1. Л.: Наука, 1983. С. 138.

⁸ Истомин Ф. М., Дютиш Г. О. Песни русского народа. Собранны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. СПб.: Издано Императорским Русским географическим обществом, 1894. С. 7.

⁹ Стихи духовные. М.: Сов. Россия, 1991. С. 143.

¹⁰ Стихи духовные. Словеса золотые. СПб., 1912. С. 87.

¹¹ Истомин Ф. М., Дютиш Г. О. Песни русского народа. Собранны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. СПб.: Издано Императорским Русским географическим обществом, 1894. С. 8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адрианова В. П. Житие Алексея человека Божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917. 516 с.
2. Ашакова С. Ю. Языковая картина мира в системе антонимических оппозиций русских былинных текстов: Автoref. дис. канд. филол. наук. Тамбов, 2004. 26 с.
3. Бочина Т. Г. Стилистика контраста: Очерки по языку русских пословиц. Казань, 2002. 196 с.
4. Веденикова Н. М. Антитеза в волшебных сказках // Фольклор как искусство слова. Вып. 3. М.: Изд-во МГУ, 1975. С. 66–78.
5. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л.: Гослитиздат, 1940. 648 с.
6. Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб.: Изд-во Императорской Академии Наук, 1873. 732 с.
7. Забияко А. Антимонии русского сознания: святое и падшее // Литературная учеба. 1998. № 3. С. 174–193.
8. Климас И. С. С своеобразие лексических категорий в языке фольклора. Курск, 2004. 147 с.
9. Кулагина А. В. Антитеза в балладах // Фольклор как искусство слова. Вып. 3. М.: Изд-во МГУ, 1975. С. 79–96.
10. Морозова Л. А. Антитеза в пословицах // Фольклор как искусство слова. Вып. 3. М.: Изд-во МГУ, 1975. С. 96–107.
11. Мухина Е. А. Семантические оппозиции в эпическом духовном стихе «Два Лазаря» // Языки как основа этнокультурной идентичности: Материалы науч.-практ. семинара. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. С. 40–47.
12. Никитина С. Е. Семантические категории в словаре языка фольклора // Словарные категории: Сб. ст. М.: Наука, 1988. С. 87–91.
13. Никитина С. Е. Устная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 188 с.
14. Тарланов З. К. Язык русского фольклора как предмет лингвистического изучения // Языки жанров русского фольклора: Межвуз. науч. сб. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1977. С. 3–32.
15. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. В 2 т. Т. 1. Первый век христианства на Руси. М.: Гнозис: Языки русской культуры, 1995. 874 с.
16. Федотов Г. П. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М.: Прогресс: Гнозис, 1991. 192 с.

17. Федотов Г. П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 10: Русская религиозность. Ч. 1. Христианство Киевской Руси. X–XIII вв. М.: Мартис, 2001. 382 с.
18. Яцунок Е. И. Антитеза в хороводных песнях // Фольклор как искусство слова. Вып. 3. М.: Изд-во МГУ, 1975. С. 157–164.

Mukhina E. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

LANGUAGE EXPLICATION OF CONCEPTUAL OPPOSITIONS AS REALIZATION WAY OF GENRE DYNAMICS IN SPIRITUAL VERSE “ALEXEY IS A MAN OF GOD”

Spiritual verses belong to the category of under-explored folklore genre. For ideological reasons during Soviet period, this genre was on the periphery of the researchers' and readers' attention. In available records spiritual verses are not studied sufficiently in reference to both their language functioning and to various language aspects. Correlation between the verses' poetic structure and the speech manner of storytellers has not received due and thorough attention either. The present article studies semantic oppositions as one of the ways to realize genre dynamics of an epic spiritual verse “Alexey is a Man of God”. Archival records of the texts previously unknown to a wide range of researchers are introduced into the scientific circulation. These records were made during the time period from 1910 to 1983 and stored in the Archive of Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. The conducted analysis helped to reveal the hierarchy peculiar to the members of oppositions, which is defined by such signs as the language status (common-language / language of the text), the character of axiological assessment (partial estimation / impartial estimation), the assessment motivation (social, emotional and expressive, confessional, deeply moral). The performed analysis of all available materials brings us to a conclusion that semantic oppositions fulfill an important role – the text making function. It happens when one of the members of the assessing opposition, being the very essential element in the ethical picture of the world recreated by the singer, “programs” appearance of his own antipode.

Key words: lingvopoetika, spiritual verses, semantic oppositions

REFERENCES

1. Адрианова В. П. *Zhitie Alekseya cheloveka Bozhiya v drevney russkoy literature i narodnoy slovesnosti* [The life of Alexey the man of God in the ancient Russian literature and folk literature]. Petrograd, 1917. 516 p.
2. Ашакова С. Ю. *Yazykovaya kartina mira v sisteme antonimicheskikh oppozitsiy russikh bylinnykh tekstov. Diss. cand. filol. nauk* [Language picture of the world in the system of antonymous oppositions of Russian epic texts. Cand. philol. sci. diss.]. Tambov, 2004. 26 p.
3. Бочина Т. Г. *Stilistika kontrasta: Ocherki po yazyku russkikh poslovits* [The style of contrast: Essays on the language of Russian Proverbs]. Kazan', Kazan State University Publ., 2002. 196 p.
4. Веденикова Н. М. The antithesis in the magic fairy tales [Antiteza v volshebnykh skazkakh]. *Fol'klor kak iskusstvo slova* [Folklore as the art of an account of the sense of the word]. Is. 3. Moscow, MSU Publ., 1975. P. 66–78.
5. Веселовский А. Н. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Leningrad, Goslitizdat Publ., 1940. 648 p.
6. Гильфердинг А. Ф. *Onezhskie byliny, zapisanyye A. F. Gil'ferdingom letom 1871 goda* [The epics of the Onego region, recorded by A. F. Gil'ferding in the summer of 1871]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1873. 732 p.
7. Забияко А. The antinomies of the Russian consciousness: the holly and the fallen [Antinomii russkogo soznaniya: svyatoe i padshee]. *Literaturnaya ucheba* [Literary studies]. 1998. № 3. P. 174–193.
8. Климас И. С. *Svoeobrazie leksicheskikh kategorii v yazyke fol'klora* [Special features of lexical categories of the folklore language]. Kursk, 2004. 147 p.
9. Кулагина А. В. The antithesis of the ballads [Antiteza v balladakh]. *Fol'klor kak iskusstvo slova* [Folklore as the art of an account of the sense of the word]. Is. 3. Moscow, MSU Publ., 1975. P. 79–96.
10. Морозова Л. А. The antithesis of the Proverbs [Antiteza v poslovitsakh]. *Fol'klor kak iskusstvo slova* [Folklore as the art of an account of the sense of the word]. Is. 3. Moscow, MSU Publ., 1975. P. 96–107.
11. Мухина Е. А. Semantic oppositions in the epic holy verses “Two of Lazarus” [Semanticheskie oppozitsii v epicheskem dukhovnom stikhe “Dva Lazarya”]. *Materialy nauchno-prakticheskogo seminara “Yazyk kak osnova etnokul'turnoy identichnosti”* [Materials of the scientific-practical seminar “Language as a basis of ethnic and cultural identity”]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2007. P. 40–47.
12. Никитина С. Е. Semantic categories in the language dictionary of folklore [Semanticheskie kategorii v slovare yazyka fol'klora]. *Slovarnye kategorii* [The lexical categories]. Moscow, Nauka Publ., 1988. P. 87–91.
13. Никитина С. Е. *Ustnaya kul'tura i yazykovoe soznanie* [Oral culture and language consciousness]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 188 p.
14. Тарланов З. К. The language of Russian folklore as an object of linguistic studies [Yazyk russkogo fol'klora kak predmet lingvisticheskogo izucheniya]. *Yazyk zhanrov russkogo fol'klora* [The language of genres in Russian folklore]. Petrozavodsk, PSU Publ., 1977. P. 3–32.
15. Топоров В. Н. *Svyatost' i svyatoe v russkoy dukhovnoy kul'ture* [The Sanctity and the Holy in Russian spiritual culture]. In 2 vol. Vol. 1. Moscow, Gnozis Publ.: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1995. 874 p.
16. Федотов Г. П. *Stikhi dukhovnye. Russkaya narodnaya vera po dukhovnym stikham* [Spiritual verses. Russian folk belief in spiritual verses]. Moscow, Progress Publ.: Gnozis Publ., 1991. 192 p.
17. Федотов Г. П. *Sobr. soch.: V 12 t. T. 10. Russkaya religioznost'. Ch. 1. Khristianstvo Kievskoy Rusi X–XIII vv.* [Collected works; In 12 vol. Vol. 1. Christianity of Kiev Russia of X–XIII centuries]. Moscow, 2001. 382 p.
18. Яцунок Е. И. The antithesis of the singing and dancing in a ring [Antiteza v khorovodnykh pesnyakh]. *Fol'klor kak iskusstvo slova* [Folklore as the art of an account of the sense of the word]. Is. 3. Moscow, MSU Publ., 1975. № 3. P. 157–164.